

Особенности природопользования на российском Дальнем Востоке на первоначальном этапе его освоения

© 2011

Н. Сухомлинов

Рассматриваются факторы формирования и закрепления пиротехнического стереотипа природопользования, под которым понимается применение палов в различных сферах хозяйственной деятельности, прежде всего — как средства обработки земли. Анализируется роль таких социальных явлений, как самозахват земли первопоселенцами, многоземелье и так называемый «желтый труд».

Ключевые слова: пиротехнический стереотип природопользования, сельскохозяйственные палы, самозахват земли

Любое освоение территории начинается с формирования отвечающих конкретным условиям форм природопользования. От этого зависит степень устойчивости региона. Причем под устойчивым развитием понимается т.н. *самоподдерживающееся* развитие (*sustainable development*), которое мы трактуем как *самоподдерживающееся* развитие, которое может обеспечить данное поколение ресурсами и условиями не в ущерб последующим поколениям.

Формы природопользования понимаются как устоявшаяся совокупность методов и способов использования всех ресурсов, влияющих на эффективность освоения территории. Ее можно также определить как способность социальных систем сочетать получение хозяйственного эффекта с сохранением природного капитала для будущих поколений.

Освоение российской части Дальнего Востока происходило в несколько этапов. С историко-географической точки зрения Дальний Восток России можно разделить на две части. Первая — территория его начального освоения — северная часть российского Дальнего Востока. Вторая — территория позднего освоения, то есть южная его часть. Важнейшая черта этой территории — наличие земледелия. Первая часть исторически была плацдармом для географического открытия и дальнейшей колонизации второй части¹.

Между российским освоением первой и второй зон лежит период протяженностью в два века, если не считать первой попытки, завершенной подписанием Нерчинского договора. Вследствие тех событий коренное земледельческое население было частично истреблено и фактически изгнано с левого берега Амура. К началу государственного освоения Дальнего Востока в XIX в. постоянного земледельческого населения здесь практически не было¹. Это сыграло свою роль в дальнейшем сельскохозяйственном освоении региона и особенно — в формировании явления, которое среди всех российских регионов наиболее ярко проявляется на Дальнем Востоке.

Сухомлинов Николай Револьдович, кандидат географических наук, докторант Тихоокеанского института географии ДВО РАН. E-mail: hingan@on-line.jar.ru.

Речь идет о пиротехническом стереотипе природопользования, под которым понимается обыкновение применять палы в различных сферах хозяйственной деятельности. Основные цели применения палов — устранение мертвой органики и естественной растительности, поскольку труд земледельца в лесной зоне — это извечная борьба с лесом. С течением времени пиротехнический стереотип природопользования из необходимости превратился в потребность, то есть палы стали самоцелью. Критический период в этом смысле — конец XIX и начало XX вв. Именно тогда произошел переход от необходимости применения палов человеком, волею судеб попавшим в ситуацию дикого первоначального освоения, к закреплению его в качестве дурной привычки, разрушающей средовую и ресурсную базу существования человека на данной территории.

Ни у тех, кто планировал и организовывал освоение, ни у тех, кто заселял вновь присоединяемые земли, не было опыта ведения сельского хозяйства в данных природных условиях и перенять его было не у кого. В южной части Дальнего Востока оседлое земледельческое население русские переселенцы встретили только на юге Приморья.

В этих условиях самозахват земли русскими первопоселенцами очень быстро превратился в обычную практику, которая признавалась не только населением, но неофициально — и государством. Тому способствовали общинный характер землепользования, когда наделы выделялись на всеяющуюся общину, и нежелание администрации регулировать земельные отношения внутри общины. По правилам 1861 г. переселенцам этого периода отводилось в пользование не более 100 десятин земли на семью. Эта максимально возможная величина быстро стала нормой первоначального отвода. Вторая волна переселений, порожденная столыпинскими реформами, создала земледельцам и чиновникам районов сельскохозяйственного освоения новые проблемы, поскольку переселенцы прибывали туда, где целина существовала только на бумаге. На самом деле земли, отведенные новоселам, уже давно обрабатывались старожилами или находились в залежи, но принадлежали им по праву первого захвата. В результате возникал конфликт представителей двух этапов освоения юга Дальнего Востока, который чаще всего разрешался новой волной самозахватов².

Многоземелье, то есть избыток земли с точки зрения возможности качественно ее обрабатывать, сложилось с самого начала заселения и существует поныне. Оно воспроизводилось и усиливалось всеми земельными реформами, осуществлявшимися с начала освоения Дальнего Востока. Выражается это многоземелье, прежде всего, в том, что всегда существует земля, некогда вовлеченная в сельскохозяйственный оборот, но в настоящий момент находящаяся в залежи. Залежная система, особенно в период кризисов и перестроек, без палов существовать не может и, следовательно, она всегда стимулирует формирование привычки применять огонь для обработки земли. Многоземелье формируется при ряде условий, одно из которых привлекает особое внимание.

Самозахваты и многоземелье стимулировались также повсеместной арендой и субарендой земли в совокупности с использованием дешевой рабочей силы. Основными арендаторами были китайцы и корейцы. Они же были рабочей силой, которая объединялась под названием «желтый труд».

На ранних этапах государственного освоения юга российского Дальнего Востока корейцы селились, главным образом, в Приморье. Началось это с 1863 г., когда туда прибыло 12 семей. В 1864 г. 16 корейских семейств основали первое корейское поселение Тизинхе. В том же году были основаны другие корейские поселения — Верхнее и Нижнее Янчихею³. Через шесть лет количество переселенцев достигло 7 тыс. чел. До 80-х гг. XIX в. переселение шло активно, но затем было искусственно приостановлено по причине численного превосходства корейцев над тогдашним русским населением. Корейцев гнали на русские земли голод, перенаселенность и произвол, который усилился после захвата Кореи Японией. По данным на 1908 г. число корейцев только в Уссурийском крае достигло 20 тыс. чел. К этому моменту все корейцы разделились на две части: первая —

переселенцы до 1884 г., вторая — переселенцы последующих лет. Первые могли принять российское гражданство и как граждане России получить наделы по 15 десятин на семью, а корейские поселения были приравнены к крестьянским общинам. В 1895 и 1898 гг. еще часть корейцев были приравнены в правах к русским крестьянам и наделены землей из расчета 15 десятин на семью. Корейцы, используя свои методы земледелия, хорошо адаптированные к муссонному климату, занимались в основном выращиванием овощей. Кроме земледелия они были также заняты на разнообразных временных работах. Вторая часть корейских переселенцев покинула родину преимущественно по политическим мотивам, вследствие оккупации страны японцами. Они уже не наделялись землей и пополняли ряды ее арендаторов, наемных работников на приисках, в строительстве, рыбной ловле, лесозаготовках и на различных работах в городе⁴.

Заселение российского Дальнего Востока китайцами также можно условно разделить на две части. Первая — связана с китайцами, которые населяли Приморье до того, как оно перешло к России. Прежде всего, заселялась Приханкайская низменность. Русские переселенцы первым делом вытеснили китайских земледельцев и заняли плодородные разработанные земли⁵. Изгнание китайцев привело к тому, что часть из них ушла к хунхузам и совершала набеги на русские села. Другая часть стала брать некогда принадлежавшие им земли в аренду. Сдача земли в аренду китайцам за половину урожая оказалась настолько выгодной, что возникло такое явление, как переаренда земли крестьянами у крестьян с целью сдачи ее китайцам⁶. В Приморье, где к приходу русских было особенно много китайцев, численность реальных земледельцев составляла лишь около 10% русского крестьянского населения.

В 1878 г. императорским указом было отменен запрет на переселение китайцев в Манчжурию. Это вызвало приток крестьянского населения из внутренних провинций Китая на северные его рубежи, куда они принесли свой многовековой опыт земледелия⁷. Но несмотря на благоприятные по сравнению с российскими условия вселения у китайских переселенцев возникали проблемы со сбытом продукции, и они уходили на подработки в Россию.

Таким образом, арендаторами полей и огородов были преимущественно китайцы. Корейцы или работали на своей земле, или нанимались на прииски и различные строительные работы. Аренда земли была шире всего распространена в Приморье и реже всего — в Амурской области. Здесь китайцы привлекались на временные работы преимущественно крестьянами-старожилами и казаками⁸. Видимо, такая разница объясняется тем, что в Амурской области к приходу русских прежнего земледельческого населения не было вовсе. Кроме того, в сопредельных с Амурской областью районах Китая плотность китайского населения в то время была еще невелика, земельного дефицита не было и, соответственно, не было массовой китайской миграции в Амурскую область.

Попытки японцев прижиться в Манчжурии не увенчались успехом. Они не смогли приспособиться к условиям, которые оказались для них слишком суровыми⁹. Все же японская аренда сельскохозяйственных угодий существовала, хотя в гораздо меньших масштабах. Например, «в 1910 г. Владивосток сдал в аренду китайцам под огороды 65 десятин и корейцам 330 десятин; Никольск-Уссурийский сдал китайцам 307 десятин, корейцам 501 десятину и японцам 992 кв. саж.; Хабаровск сдал под огороды китайцам 136 десятин и корейцам 30 десятин; крестьянами, по опросным данным, было сдано в 1909 г. китайцам и корейцам в аренду 10550 десятин»¹⁰.

Эти явно неполные цифры дают, однако, представление о масштабах «желтого труда» в форме аренды земли за деньги или за часть урожая. Они увеличатся в несколько раз, если учесть, что земля арендовалась не только у крестьян, но и у духовенства, чинов лесной службы и т.п.

Как упомянуто выше, российские переселенцы первой волны наделялись гигантскими участками земли — 100 десятин на семью. Предполагалось, что эти наделы

будут разрабатываться не сразу, а по мере увеличения численности крестьянской общины, как за счет естественного прироста, так и за счет новых переселенцев¹¹. Однако захватное право при отсутствии государственного контроля позволило первопоселенцам распахивать все сразу, прихватив земли, находившиеся за пределами легально выделенных участков. Эта гонка захвата быстро пошла бы на убыль, если бы не огромное предложение китайской и корейской рабочей силы. Лихорадка легких и больших денег, получаемых, прежде всего, от использования «желтого труда», достигла такого градуса, что позволяла крестьянам безбедно существовать, не занимаясь земледелием. Кроме аренды земли под пашни, сенокосы и торговые места практиковалась аренда домов. Немалые деньги можно было заработать на перевозке грузов, на приисках и строительстве железной дороги. Все это создавало атмосферу «длинного рубля», которая всегда приводит к разного рода махинациям и нетрудовым доходам. Существование больших стодесятинных наделов у старожилов сочеталось с большим предложением «желтого труда» и возможностями заработать на несельскохозяйственных промыслах, это вызывало эскалацию все новых, и новых самозахватов¹².

По меркам того времени средняя крестьянская семья могла качественно и интенсивно обрабатывать только 10–12 десятин пахотной земли. Если прибавить сюда сенокосы и пастбища, без которых крестьянин обойтись не мог, то получается, что в эффективном пользовании средней крестьянской семьи могло находиться не более 35 десятин¹³. Следует также учесть, что сенокосы и пастбища обычно находились в совместном пользовании нескольких семей или всей общины, и их использование никак и никем не регламентировалось.

Особая ситуация сложилась с казаками. Для того, чтобы поддержать казачьи поселения, отбывающие воинские и почтовые повинности и не имеющие возможности переселяться на более удобные земли, в 1894 г. генерал-губернатор Духовный передал во временное пользование Амурского казачьего войска землю, лежащую по левому берегу Амура от Забайкалья до Приморья в полосе на 40–100 верст от Амура. Эта полоса находилась в исключительном владении казаков, и крестьянам селиться здесь было запрещено. В 1911 г. закрепление этих земель за казаками было продлено¹⁴. Первоначально были предприняты попытки помочь казакам сочетать освоение гигантских участков земли с военной и пограничной службой с помощью солдат-штрафников. Но попытка не увенчалась успехом, и единственным выходом из положения оказалась массовая сдача земли в аренду «желтому» населению, а также использование наемного труда китайцев и корейцев. Так «желтое» население Дальнего Востока России укрепляло многоземелье, пиротехнический стереотип природопользования и обороноспособность России¹⁵.

Кроме того, многоземелье сформировало целую философию, в которой одно из центральных мест занимают представления о неисчерпаемости ресурсов и вседозволенности. Изобилие ресурсов неминуемо приводит к повсеместному распространению крайне экстенсивных методов природопользования, среди которых видное место занимает практически бесплатный и всем доступный инструмент культивации угодий — огонь.

Гонка самозахвата земли, растущее многоземелье и, как следствие, — распашка и пирогенная деградация привели к крупномасштабной сельскохозяйственной трансформации естественных экосистем российского Дальнего Востока. Палы, когда «кругом все горит», стали не только привычной технологией, но и нормой общественного бытия и общественного сознания. Чем больше земли стремились крестьяне «застолбить», чтобы получать доход от аренды, тем больше было палов. Но чем чаще применялись палы, тем сильнее горели леса, луга и болота. Растительность, подвергавшаяся пиротехническому воздействию, трансформировалась в осветленные листовые леса, кустарниково-травянистые и травянистые сообщества, горимость которых намного выше по сравнению с исходными климаксовыми сообществами — хвойными и широколиственными лесами. Интенсивное пиротехническое воздействие на первоначальном, весьма коротком

этапе давало определенный хозяйственный эффект, который быстро сменялся снижением качества сенокосов и пастбищ вследствие их пирогенной деградации. Эта деградация стимулировала крестьян к дальнейшим самозахватам земель, не истощенных еще воздействием огня и отсутствием элементарной заботы об увеличении или хотя бы сохранении ее плодородия.

Возрождение существенных элементов подсечно-огневого земледелия в XX в. было обусловлено плохими стартовыми условиями крестьян, которые часто оказывались в окружении дикой природы без жилья и первоначальной подготовки земли, слабым контролем со стороны государственных структур, низкой плотностью заселения и возможностью легкой наживы, в том числе — от эксплуатации китайского и корейского населения.

Т.н. «желтый труд» широко применялся в строительстве, особенно, дорожном, а также на лесоразработках. Лесопромышленники при этом были очень низкого мнения о качестве «желтого труда», но его количество и дешевизна позволяли компенсировать этот недостаток. Слабосильность, неспособность к интенсивному продолжительному напряженному труду отмечается как характерная для китайцев и особенно, для корейцев. Это, вероятно, можно объяснить привычкой корейцев к определенному размеренному трудовому сельскохозяйственному укладу, в котором понятие «страда» отсутствует¹⁶.

Это обстоятельство также, хотя и опосредованно, способствовало повсеместному закреплению пиротехнического стереотипа природопользования. Применение «желтого труда» на строительных и иных несельскохозяйственных работах позволяло не отвлекать земледельческое русское население, которое, к тому же, особенно в первую волну переселений, не очень стремилось на отхожие промыслы. По этой причине у русского крестьянства была возможность (опять же при помощи огня!) разрабатывать дополнительные земли и сдавать их в аренду.

Труд корейцев широко применялся на всех видах работ, но все же в основном они занимались земледелием. Причиной тому были особенности национального менталитета, а также то, что корейское население специально наделялось землей, хотя аренда земли корейскими переселенцами также широко практиковалась.

Корейское население, как и русское, к началу XX в. разделилось на старожилов и новоселов с тем отличием, что корейские новоселы не имели своей земли и права ее получить. Это породило расслоение корейского населения и создало своеобразные отношения между корейцами разных потоков и русским населением. Русские крестьяне предпочитали нанимать корейцев не за плату, а отдавая в аренду за часть урожая землю и инвентарь, так как корейцы предпочитали работать по своим технологиям, не понимая русских методов земледелия. Корейцы-старожилы, владевшие землей, нанимали корейцев поздней волны переселений за одежду, еду и табак, а расплачивались с наемными работниками только в том случае, если был урожай. В результате корейцы-старожилы, также как и русские, мало работали на земле сами, а пользовались дешевым наемным трудом переселенцев новой волны¹⁷.

Значение корейского труда для освоения российского Дальнего Востока подчеркивалось во многих изданиях. Корейцам отдавалось предпочтение перед японцами и китайцами. Они выгодно отличались своей услужливостью и мягкостью характера.

Однако выгоды корейского труда были очевидны не для всех. В начале XX в., когда была развернута кампания по снижению доли «желтого труда», начали выселять не только китайцев, но и корейцев. Оседлые, активно ассимилирующиеся корейцы стали жертвой вполне естественных опасений российского правительства относительно последствий быстрого роста количества иностранцев на территории страны. Эти опасения сводились к двум основным моментам — экономическому и политическому. Экономическая сторона вопроса состояла в большой утечке капитала за рубеж. Суть политической, точнее, общегосударственной стороны проблемы состояла в том, что эффективность освоения новой территории, то есть все, что делает ее полноценной частью страны, зависит от плотно-

сти населения, состоящего из граждан этой страны. Мало того, речь шла об уплотнении населения как основном факторе повышения его культуры, включая культуру природопользования. Широко распространенная аренда, прежде всего, «желтым» населением, а также применение «желтого труда» в качестве дешевой рабочей силы стимулировали самозахват земли и многоземелье и таким образом сдерживали процесс уплотнения населения, препятствуя социально-экономическому и культурному развитию края¹⁸.

Планам российского правительства по сокращению «желтого труда» в начале XX в. не суждено было сбыться. Им помешала первая мировая война, усугубившая все проблемы Дальнего Востока¹⁹. На фронт были мобилизованы русские мужчины работоспособного возраста, что усилило опасность преобладания «желтого» населения над русским. Резко обострилась и без того острая проблема нехватки рабочих рук в условиях многоземелья. Эта острота была усилена и тем, что на войну отправляли лошадей, а с фронта прибывали раненые и инвалиды, множившие вместе с вдовами и сиротами армию иждивенцев, которых нужно было кормить в крае, находившемся в состоянии первоначального освоения. В результате крестьяне обратились к генерал-губернатору Приморья с просьбой не выселять «желтое» население, поскольку военное время обострило нехватку рабочих рук. Просьба была удовлетворена²⁰. Выселение «желтого» населения было приостановлено по всему Дальнему Востоку и возобновлено только в советское время.

Таким образом, использование «желтого труда» на Дальнем Востоке порождено демографическим давлением соседних перенаселенных стран и потребностью в рабочей силе на территории с недостаточной плотностью населения. Для китайцев труд в России был экономически и социально выгодным, поскольку уменьшал последствия перенаселенности и способствовал притоку российского капитала в их страну. Для России использование «желтого труда» носило характер эксплуатации избыточного населения, которое выдавливалось из перенаселенных регионов сопредельных стран. Однозначно оценить его трудно. С одной стороны, оно смягчало проблему нехватки рабочих рук в условиях, когда большую территорию необходимо было освоить в короткое время. С другой — препятствовало увеличению оптимальной для того периода плотности населения, тормозя развитие культуры природопользования в направлении, которое позволяло бы говорить об устойчивом развитии территории²¹. «Желтое» население, а китайское в особенности, безусловно, заполняло экономические ниши, не заполненные русским населением. Но соблазн использования дешевого «желтого» труда препятствовал переходу земледелия от экстенсивной к интенсивной форме, превращая многоземелье из болезни роста в хроническое состояние, истощающее ресурсный потенциал территории и разрушающее экологическую среду.

Это разрушение проявлялось, прежде всего, в том, что в хозяйственный оборот вовлекалось гораздо больше земли, чем люди могли полноценно эксплуатировать, получая максимально возможный хозяйственный эффект. Экстенсивность природопользования проявлялась в залежной системе земледелия, которая существует и поныне, хотя и в меньших масштабах, нежели в XIX в. Необходимым условием существования такой системы является использование огня как средства природопользования, практически бесплатного для хозяйствующего субъекта. Однако то, что кажется дешевым для конкретного хозяйственника, оказывается крайне дорогим и, в конечном счете, разорительным для общества и территории.

При производстве палов сгорает растительность на гораздо больших территориях, чем это необходимо для обработки непосредственно эксплуатируемых угодий. По этой причине трансформация биоценозов от радикальной до очень слабой происходит радиально — от участков территории, непосредственно используемых в сельском хозяйстве, вглубь территорий, напрямую человеком не эксплуатируемых. Повсеместное поджигание сухой травы, иногда совершенно бесцельное, постоянно снижает средообразующую и ресурсную ценность территории, способствуя в конечном итоге крупномас-

штабному обезлесиванию Дальнего Востока. Это с уверенностью можно считать прямым следствием многоземелья, залежной системы земледелия и пиротехнического стереотипа природопользования.

1. *Сухомлинов Н.Р.* Этапы колонизации Дальнего Востока // Рос. Приамурье: история и современность: Материалы докл. науч. семинара, 24–25 нояб. 1999. Хабаровск, 1999. С. 54–57.
2. *Крюков Н.А.* Опыт описания землепользования крестьян-переселенцев Амурской и Приамурской области // Зап. Приамур. отд. императорского рус. геогр. о-ва, М., 1896. Т. 2, вып. 2. 211 с.; Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913. 425 с.; Приамурье. Факты, цифры, наблюдения: Прил. к отчету общеземской организации за 1908 г. М., 1909. 848 с.; Приморский хозяин. Владивосток, 1916. № 5–6. 96 с.; Сибирские вопросы. 1908. № 45–46. 80 с.
3. *Смирнов Е.Т.* Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск, 1899. 325 с.
4. Колонизационное значение земледелия в Приамурье // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции 1911 г. Вып. 5. 142 с.; *Смирнов Е.Т.* Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск, 1899. 325 с.
5. Приморский хозяин. Владивосток. 1916. № 1–2. 108 с.
6. *Крюков Н.А.* Опыт описания землепользования крестьян-переселенцев Амурской и Приамурской области. // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. Т. 2, вып. 2, М., 1896. 211 с.
7. Приморский хозяин. 1916 № 1–2. 108 с.
8. Колонизационное значение земледелия в Приамурье // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции 1911 г. Вып. 5. 142 с.
9. Приморский хозяин. 1916. № 1–2. 108 с.; *Смирнов Е.Т.* Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск, 1899. 325 с.
10. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 г. // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1911. Вып.1. С. 78.
11. *Крюков Н.А.* Указ. соч.; Условия внутринадельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Прил. к вып. 5. СПб., 1911. 107 с.
12. *Крюков Н.А.* Указ. соч.
13. Колонизационное значение земледелия в Приамурье // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции 1911 г. Вып. 5. 142 с.
14. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913. 425 с.; Условия внутринадельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Прил. к вып. 5. СПб., 1911. 107 с.
15. Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. Прил. к отчету общеземской организации за 1908 г. М., 1909. 848 с.
16. *Смирнов Е.Т.* Указ. соч.
17. Там же.
18. Колонизационное значение земледелия в Приамурье // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции 1911 г. Вып. 5. 142 с.
19. Приморский хозяин. 1916. № 11. 76 с.; 1917. № 1–2. 97 с.
20. Приморский хозяин. 1916. № 1–2. 108 с.; № 7–8. 85 с.; Сибирские вопросы. 1908. № 35–36. 80 с.
21. Условия внутринадельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Прил. к вып. 5. СПб., 1911. 107 с.